

ЛЕДИ НАЙТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БЫВШИЕ

Сердце сидушюкка

Леди Найт
Бывшие. Сердце сибиряка

«Автор»

2026

Найт Л.

Бывшие. Сердце сибиряка / Л. Найт — «Автор», 2026

Я приехала в Сибирь, чтобы продать дом. Наш с Егором дом, купленный в браке, оставшийся ему после развода. В Москве меня ждёт мужчина. Удобный. Правильный. А здесь – бывший муж, который слишком хорошо меня знает. – Соскучилась, крошка? – усмехается Егор, опираясь плечом о косяк. – Я знал, что рано или поздно ты поймёшь, что я лучший. – Я приехала по делу, – отвечаю я. – Конечно. Ты всегда так говоришь, когда врёшь. Он не держит. Не просит. Не ревнует. Он шутит, будто всё под контролем, и смотрит так, что я забываю, зачем вообще уезжала.

© Найт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Алина	5
2. Алина	7
3. Алина	9
4. Алина	11
5. Алина	13
6. Егор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Бывшие. Сердце сибиряка

1. Алина

Я приехала в Сибирь продавать дом. Так я говорила себе всю дорогу от аэропорта до этого поворота, где связь пропадает, а снег становится гуще, чем мысли.

Такси остановилось у знакомых ворот, и водитель сразу как-то слишком бодро сказал:

– Приехали.

Словно дальше ехать было просто некуда.

Я вышла, и мороз тут же схватил за лицо. Не зло, а по-хозяйски. Проверил: своя или нет. Я вдохнула, и лёгкие обожгло так, будто я давно не дышала по-настоящему.

Дом стоял, там же, где и раньше. Тёмный, широкий, уверенный в себе. Дом мужчины, который не сомневается. Мы покупали его вместе, в браке. Тогда мне казалось, что это временно. Что мы поживём, а потом – Москва, сцена, свет, люди.

А он тогда сказал:

– Здесь будет наш дом.

Без «пока». Без «попробуем». Егор вообще редко использовал слова, которые можно отменить.

Я открыла калитку своим ключом. Ключ подошёл, потому что Егор не сменил замок, и меня это невероятно воодушевило. Пройдя по расчищенной от снега дорожке, я поднялась на крыльцо вместе со своим чемоданом и уже потянулась к двери, когда она открылась сама.

Егор Волков стоял в проёме, будто знал точное время моего приезда. Высокий и широкоплечий, он заполнял собой пространство небрежной, уверенной силой. Домашняя рубашка была расстёгнута на одну пуговицу больше, чем нужно, приоткрывая треугольник загорелой кожи и намёк на твёрдую линию ключиц. Он не просто стоял – он облакачивался о косяк, расслабленный и изучающий, как сытый хищник, а в его полуулыбке читалось: «Ну наконец-то. Я уже начал скучать».

Он оглядел меня сверху вниз: лениво, уверенно, с лёгкой усмешкой.

– Здравствуй, девушка, – сказал он. – А вы к кому?

У меня внутри что-то щёлкнуло. Не больно. Привычно. Мой бывший любил придуриваться и шутить, только мне сейчас было совсем не смешно.

– Привет, Егор.

– Не «Егор», а «Егор Палыч», – хмыкнул он. – Ты же теперь в гостях.

Он сказал это легко, с юмором, но я почувствовала: граница есть. Чёткая. Отточенная годами.

– Можно войти? – раздражённо спросила я.

– Вход – десять поцелуев в щёчку или один с языком?

– Я замёрзла, вообще-то!

– Так одеваться надо было теплее, мать. Не на Мальдивы же летела...

С этими словами Егор отступил на шаг, и я прошла внутрь дома. Сразу утонула в запахе. Дерево, дым, кофе, что-то металлическое, и он. Егор. Его запахом было пропитано здесь всё. Впрочем, не удивительно, раз он тут жил последние четыре года.

Он смотрел, как я снимаю сапоги, сверлил взглядом. Я чувствовала это кожей. Не раздевающий взгляд – оценивающий. Как будто он сравнивал: что было и что стало. И я знала, что ему есть что сказать, но он не спешит. Егор вообще никогда не спешил.

– Ты похудела, – заметил он. – В Москве плохо кормят?

– Только обещаниями, – ответила я. – Они не калорийные.

Он забрал у меня пальто, повесил на крючок. Пальцы коснулись моего плеча – коротко, будто случайно. Я дёрнулась и сжала челюсти.

Спокойно, Алина. Ты здесь по делу.

– Чай? Кофе? – спросил он, направляясь на кухню. – Вино не предлагаю, а то ещё приставать начнёшь.

– Чай, – сказала я. – Если можно.

– Можно, – кивнул он.

Он двигался по дому так, будто тот был продолжением его тела. Уверенно, без суеты. И меня вдруг накрыло странное ощущение: я здесь лишняя. Не потому, что он выталкивает. А потому что это больше дом Егора, чем мой.

Мы сели за стол. Он поставил передо мной кружку, сел напротив. Не близко. Не далеко. Ровно так, чтобы между нами было пространство для разговоров и новых ошибок.

– Ну, – сказал он, глядя прямо. – С чем пожаловала?

Я сделала вдох.

– Я хочу продать дом.

Он не удивился. Даже бровью не повёл. Только уголок губ дёрнулся, и я не поняла, что это было: ирония или усталость.

– Смело, – сказал он. – Приезжай после Нового года, когда у меня будет настроение лучше.

– Я не шучу, Егор.

– А я и не смеюсь, – он чуть наклонился вперёд. – Хотя мог бы. Представляешь: бывшая жена приезжает из Москвы, чтобы продать дом, в котором я живу. Усаться можно.

– Ты злишься? – спросила я.

– Нет.

– Дом наш общий, – сказала я твёрдо. – Мы покупали его в браке.

– Я помню, – кивнул он. – Я тогда ещё думал, что ты задержишься. Наивный лошара.

– Ты сам знаешь, почему я не задержалась. Я хотела другой жизни.

– Я знаю, – он усмехнулся. – Сцену, свет, аплодисменты. А тут я. Красивый, сексуальный, но без зрительного зала.

Я не удержалась:

– Ты всегда такой самовлюблённый?

– Я? – театрално удивился Егор. – Ну что ты? Я просто объективный.

– Я приехала ненадолго, – сказала я. – Подпишем бумаги, и я уеду.

– В Москву? – уточнил он. – К своему как его там?

Я напряглась.

– Откуда ты знаешь?

– Новости читаю иногда. – Он встал, подошёл к окну, посмотрел на лес. – Не переживай, Алина, – добавил он легко. – Я же не ревнивый. И вообще, мужикам в Москве виднее, что делать с актрисами.

Мне захотелось ударить его. Сказать, что он ничего не понимает. Что моя жизнь была сложной. Что я боролась. Что я не просто «ушла».

Но я промолчала.

– Гостевая свободна, – сказал Егор, оборачиваясь. – Можешь пожить пару дней.

– Спасибо.

Он взял кружку, сделал глоток и добавил, будто между прочим:

– И да, Алина. Дом я продавать не хочу. Но поговорим. Я же не зверь.

2. Алина

Егор провёл меня в гостевую комнату молча. Не как хозяин, который радуется гостям, и не как бывший муж. Скорее как мужчина, который давно живёт один и просто встраивает в свой жизненный ритм лишний предмет.

– Тут, – сказал он, открывая дверь. – Постель чистая. Полотенца в шкафу. Если что, кухня там же, где была, ванная тоже.

Он говорил спокойно, буднично. Ни намёка на неловкость. Будто я не женщина, с которой он когда-то спал, а дальняя родственница, захавшая на ночь.

– Спасибо, Егор, – сказала я.

Он кивнул и уже собирался уйти, но задержался в дверях.

– Ужин будет через часа два, – добавил он. – Я не из тех, кто морит гостей голодом. Даже бывших жён.

– Даже бывших жён... – повторила я и не удержалась от улыбки.

Он усмехнулся в ответ коротко и нагло.

– Особенно бывших жён, – сказал он и ушёл.

Комната была почти такой же, как раньше. Чуть строже, чуть пустее. Без лишних мелочей, без женской руки. И это почему-то бросалось в глаза сильнее всего. Здесь не было вазочек, пледов, подушек «для красоты». Всё по делу, по-мужски.

Я приняла душ, переоделась, высушила волосы и спустилась вниз.

Егор готовил ужин. Не показательно, не чтобы выпендриться передо мной, а просто готовил. Уверенными движениями, с тем же спокойствием, с каким он жил.

– Садись, Алина, – сказал он, не оборачиваясь. – Сейчас уже будет готово.

На столе появились тарелки, простая еда, горячая, сытная. Домашняя. Я поймала себя на том, что проголодалась по-настоящему, но не желудком, а чем-то глубже.

– Ты всё ещё готовишь сам? – спросила я.

– А кто за меня будет? – хмыкнул Егор. – Ты же уехала.

Я промолчала.

Мы поужинали почти в тишине. Он иногда бросал короткие реплики: про дорогу, про погоду, про то, что завтра будет морознее. Никаких разговоров «о нас». И это странно успокаивало и раздражало одновременно.

После ужина я ушла в свою комнату и взяла в руки телефон. Набрала Игоря.

– Привет, солнце. Как ты?

– Всё хорошо, доехала нормально.

– Я рад, – ответил он. – Ты как? Не замёрзла?

– Нет, – сказала я. – Здесь не очень холодно.

– Ты завтра возвращаешься? – спросил Игорь.

Я замялась.

– Я ещё решаю дела.

– С бывшим? – в голосе появилась напряжённая нотка.

– Да, – честно ответила я.

– Мне это не нравится, – сказал он.

Я закрыла глаза.

– Я знаю, милый. Постараюсь поскорее всё доделать.

Мы попрощались быстро. Без лишних слов. Не зная, чем себя занять, решила пройтись по дому. Не из любопытства, а из странного, тянущего чувства ностальгии.

Почти ничего не изменилось.

Тот же диван. Те же полки. Те же книги. Как будто я вышла ненадолго, а не на годы. И только мелочи выдавали: здесь давно нет женщины. Нет мягкости, нет попытки сделать «красиво». Всё в доме функционально, надёжно.

Как сам Егор.

Я подошла к окну. Во дворе, возле гаража, стояла машина Егора. Новая, красивая, не из дешёвых. Сильная, уверенная, как продолжение его характера.

Странно. Почему он до сих пор не женился?

Мысль была опасной. Я отогнала её и поднялась в гостевую. Почитав перед сном, расстелила кровать и легла спать.

Долго ворочалась, не находя себе места. Подушка была слишком высокой, неудобной, одеяло тяжёлым, во дворе лаяла собака. Сон не шёл, потому что стоило закрыть глаза, как память начинала делать своё.

Я вспоминала нашу с Егором жизнь, и почему-то на ум приходили только счастливые моменты.

По большому счёту я и была с ним счастлива. Не показательно, не напоказ, не как в кино, а тихо, глубоко, по-настоящему. С Егором мир был проще, устойчивее. Он держал меня не только руками, он держал саму реальность вокруг нас.

Рядом с ним я всегда засыпала без тревоги. И именно эта мысль не отпускала меня, не давая уснуть в тишине сибирской ночи.

Во рту пересохло, как будто я долго говорила. Я накинула халат и тихо спустилась вниз, стараясь не скрипеть ступенями.

На кухне было темно. Только слабый свет из окна, снег отражал луну. Я сделала шаг и врезалась во что-то тёплое и твёрдое.

– Чёрт – выдохнули мы одновременно.

Сильные руки тут же схватили меня за талию, удерживая, прижимая к себе. Я замерла, чувствуя его слишком близко. Тепло кожи. Запах. Мужское тело.

– Ты куда летишь, артистка? – раздался его голос совсем рядом.

Я подняла глаза, и сердце ухнуло вниз.

3. Алина

Я врезалась в него.

В тепло. В твёрдость. В знакомое до боли тело и в тот особенный, густой запах, который был только у него. Не лощёный парфюм, а запах тёплой кожи, чистого пота, свежего ветра с поля и чего-то глубокого, мускусного, первозданно-мужского.

От него в животе ёкнуло, тепло и остро.

– Чёрт – вырвалось у меня.

Его руки сработали быстрее моего сознания. Он поймал меня, удержал за талию, и на мгновение мы оказались слишком близко. Настолько, что я почувствовала его дыхание у виска, жар голой кожи на обнажённой груди, всю нерушимую твердь его тела.

В темноте он был не бывшим мужем, а просто мужчиной: опасным, притягательным, пахнущим сексом и запретным желанием.

Моим мужчиной, если верить предательскому пульсу внизу живота и внезапной влаге, пропитавшей бельё. Тело помнило. Помнило слишком хорошо.

– Решила меня прикончить и завладеть второй половиной дома? – сказал он негромко, и его голос, низкий и с хрипотцой, пробрал меня до костей. – Или решила меня соблазнить? Соскучилась по моему толстому херу?

Наши лица оказались в опасной близости. В полумраке кухни я видела глаза Егора, тёмные, внимательные. Видела, как он смотрит не насмешливо, а так, будто ему тоже сложно дышать. Видела, как его взгляд скользнул по моим губам, и в его зрачках вспыхнул тот самый, давно забытый огонь.

Внутри что-то оборвалось, уступив натиску плоти.

Егор наклонился чуть ближе. Совсем немного. Его бедро коснулось моего, и через тонкую ткань халата я ощутила жёсткую мускулатуру, скрытый напор. Я почувствовала это, и сердце забилося так громко, что, казалось, Егор его слышит. А между ног стало уже горячо и мокро от ожидания.

– Помнишь, как тебе было хорошо со мной? – порочный шёпот Егора обжёг мою шею, а его руки властно сжали мои ягодицы. – Хочешь оттрахаю тебя по старой дружбе? Ты только скажи, сладкая...

Влажный, горячий язык Егора заскользил по моей шее, и вдруг меня накрыло острым, сладким, пугающим пониманием.

Если сейчас он почувствует, как я дрожу, и как меня заливает от одного его запаха, обратно пути не будет. Я растаю, разожмусь, позволю всё.

Я упёрлась ладонями ему в грудь, в горячую, упругую плоть, и резко отстранилась, словно обожглась.

– Да ты охренел, что ли? – сказала я хрипло, и мой голос звучал чужим, налитым тем самым желанием, которое я отрицала. – Руки убрал! Быстро!

Пришлось стукнуть его для убедительности кулаком в плечо.

Егор замер. Потом медленно убрал руки, сделал шаг назад.

– Да ладно, чё ты? Я же пошутил.

– Придурок! И шутки у тебя дебилские!

Он включил свет, и момент рассыпался. Кухня стала обычной. Егор – снова моим бывшим. Я – женщиной в халате, с дрожью внутри и стыдливой влагой между ног.

Егор был в одних только трусах. Простых, тёмных, обтягивающих, и в этом не было никакого кокетства, только бытовая, почти грубая откровенность. Он стал здоровее, чем я помнила. Рельеф груди стал более чётким, как и мышцы пресса, плечи бугристые и шире.

Господи, нафига я его разглядываю, дура?

Я даже смотреть теперь боялась на Егора, но взгляд, предательский и жадный, сам цеплялся за детали: за шрам от давней рыбалки на ключице, за тень впадин над тазовыми костями, за ту самую, знакомую до боли линию бедра. Каждый мускул был в состоянии спокойной, непринуждённой силы. Он не позировал. Он просто пришёл зачем-то на свою же кухню, а тут я сама на него напрыгнула, как озабоченная.

Инстинктивно я скрестила руки на груди, пытаясь спрятать, задавить ту самую заострившуюся чувствительность сосков, которая предательски выдавала всё моё смятение. Они налились, затвердели, будто от холода, но причина была не в нём, а во мне и в памяти, вспыхнувшей ярче и болезненнее, чем реальность.

– У тебя есть минералка? – перевела я тему, чтобы сгладить момент.

– В холодильнике посмотри. Прости, если напугал, – добавил он, кивнув на холодильник. Его голос был теперь абсолютно пустым. – Спокойной ночи, Алина.

И ушёл не обернувшись.

Я осталась одна. Слишком взволнованная, чтобы пить воду, и слишком живая, слишком возбуждённая, чтобы снова лечь спокойно.

Надо же... Что за дебильная реакция на бывшего? На мужчину, с которым кончилось всё: разговоры, доверие, общий быт, секс. Кончилось на бумаге, в суде, в ящиках с вещами, но не здесь, не в этом доме.

Моё глупое тело отказывалось признавать развод. Оно жило по законам более древним, чем брачные контракты. Оно помнило вес этих рук, вкус этой кожи, звук этого голоса в темноте, толщину и твёрдость члена. И реагировало сейчас как на сигнал тревоги и влечения одновременно – учащённым пульсом, влажными ладонями, этой дурацкой, юношеской неловкостью.

Наглядное доказательство того, что прошлое – не абстракция. Оно ходит рядом в одних трусах и дышит этим же воздухом. И твоё собственное тело – твой личный предатель, готовый в любой момент сдать тебя с потрохами этому прошлому.

4. Алина

Дверь моей спальни распахнулась резко, без стука.

Будто бы Егор больше не собирался быть вежливым, не собирался притворяться в собственном доме. Он вошёл не как человек, а как явление: заполнил проём, шагнул в полумрак, не глядя по сторонам, не спрашивая разрешения.

Я даже не испугалась. Внутри поднялась странная, горячая волна спокойствия, будто я ждала именно этого момента с той самой минуты, как переступила порог.

Я почувствовала его раньше, чем увидела, по запаху, который он принёс с собой. Запах силы, мужественности и моего сумасшествия.

Ладонь Егора легла мне на бедро – тяжело, уверенно, властно. Знакомый вес, знакомые мозоли на подушечках пальцев. Тело отозвалось мгновенно, без уговоров, без малейшего сопротивления, глухой, сладкой пульсацией в самой глубине, предательским размягчением всех мышц.

Я больше не могла врать себе. Граница между «нельзя» и «хочу» растворялась, как сахар в горячем чае.

Его губы нашли мои, чтобы запечатлеть на них поцелуй. Чувственный, глубокий, как возвращение прав.

Я не сопротивлялась. Мои губы разомкнулись под этим давлением, отдаваясь уже не памяти, а живой, жгучей реальности его языка, его дыхания, ворвавшегося в меня. Рухнула последняя преграда, которая была в мыслях.

Его ладонь, шершавая и тёплая, скользнула под пижамную майку, обхватила грудь. Не нежно, а грубо, по-хозяйски. Большой палец провёл по соску, уже затвердевшему, кричащему о своём возбуждении, и тихий стон вырвался у меня из горла.

Егор знал все мои эрогенные места, помнил, как меня завести. Его поцелуй сместился к шее, к ключице, оставляя влажный, горячий след, пока его рука ласкала, гладила, мяла, заставляла кровь стучать в висках, а низ живота туго и сладко сжиматься.

Потом его губы поползли ниже. По отяжелевшей груди, по трепещущему животу. Я лежала, зажмурившись, чувствуя, как плавлюсь и горю в его руках.

Его дыхание там, где я уже была вся мокрая для него, пульсирующая, открытая. Первое прикосновение языка было не лаской, а ударом молнии. Чистым, ослепляющим электричеством. Я вскрикнула, вдавив голову в подушку. Он действовал с методичной, безжалостной точностью.

Я рыдала от наслаждения, сжимая простыни, бесстыже разводя свои ноги всё шире, подаваясь навстречу его губам и языку.

Затем пауза и властный шёпот: «На колени».

Я повиновалась, движимая невыносимым возбуждением. Встала на четвереньки, чувствуя, как воздух касается влажной, разгорячённой кожи, как я обнажена и уязвима.

И тогда его пальцы вплелись в мои волосы, собрав их в кулак, оттянув голову назад. Это был жест абсолютной власти. Я была открыта ему, подчинена, и хотела только одного – чтобы он поскорее вогнал в меня свой член.

Первое проникновение заставило меня взвыть. От первичного шока, от долгожданной наполненности.

Егор вошёл не сразу, а медленно, дразня, растягивая этот момент вхождения, заставляя прочувствовать каждый его миллиметр упругими стеночками.

А потом потом началось. Волков долбил меня так, будто хотел вколотить в матрас. Он мне мстил. Хотел наказать своим членом.

– Тебе нравится, Алина? – прохрипел он в такт движениям, и его голос вибрировал у меня в затылке. – Признайся, что тебе плевать на дом, что ты просто хотела, чтобы я тебя хорошенько выебал? Признайся, что у тебя давно не было нормального мужика?

Но я уже не могла говорить. Оргазм накрыл меня с такой силой, что пальцы на ногах подогнулись.

– Ах! Боже! – завопила я и...

Проснулась.

Сердце колотилось дико, неистово, будто я не лежала в постели, а мчалась на всех парах от чего-то или к чему-то. Дыхание было рваным, в горле стоял ком. Кожа горела, будто по ней провели наждаком, а между ног пульсировало, было влажно, горячо, стыдно до головокружения и тошноты. Я сжала бёдра, пытаюсь задавить это наваждение, зажмурилась, но перед глазами всё равно продолжал стоять не образ, а ощущение: вес его тела, запах, тугая наполненность.

Это был сон. Всего лишь сон, слава тебе, господи!

Я повернулась набок, поправила мокрые трусы и впервые за долгое время испугалась не холодности Егора, не сложностей раздела имущества, а себя. Этой тёмной, отзывчивой, жаждущей части себя, которая дремала все эти годы и проснулась от одного его присутствия.

Потому что, если тело помнит с такой чудовищной, унижительной точностью. Если оно отзывается на призрак прикосновения как на реальность. Значит, прошлое – не тень, а спящий вулкан.

И следующей ночью оно может прийти уже не во сне, а в дверь, которая даже не заперта.

5. Алина

Я проснулась с ощущением неловкости, будто меня застали за чем-то запретным. Сон ещё лип к коже, горячие, постыдные воспоминания о Егоре не отпускали. Я лежала, уставившись в потолок, и понимала: после ночи, после столкновения на кухне, после того, что мне приснилось, я не знаю, как теперь смотреть Егору в глаза.

Именно поэтому я встала и развернула коврик для йоги.

Йога всегда была для меня способом взять себя в руки. Теперь же она внезапно превратилась в оружие. Тихое. Женское. Немного глупое и от этого ещё более отчаянное.

Мне стало любопытно: только я всё ещё испытываю влечение к бывшему мужу, или он тоже всё ещё помнит меня?

Я надела обтягивающие лосины и короткий топ. Не для удобства – я честно призналась себе в этом. Для него. Для того чтобы он заметил мою идеальную фигуру. Чтобы хоть как-то потешить своё самолюбие и поднять свою самооценку.

Коврик я разложила в гостиной, где больше света. Где Егор точно меня увидит.

Я начала с простого. Потянулась. Медленно. Осознанно. Чувствуя каждое движение, каждое напряжение в теле. Потом стала выгибаться сильнее, задерживаясь в позах дольше, чем нужно. Спина прогибалась, мышцы тянулись, дыхание становилось глубже.

Я знала, как это выглядит. И знала, зачем делаю.

Егор появился у лестницы почти бесшумно. Я услышала его только тогда, когда он уже стоял, опершись о перила, с кружкой кофе в руке.

Я не повернула голову. Не сразу. Сделала вид, что полностью сосредоточена на дыхании. Хотя сердце колотилось так, будто я не на коврике стою, а на сцене перед полным залом.

– Это что? – раздался его голос, спокойный, с ленивой усмешкой, – утренний спектакль? А стриптиз будет? Я тогда подожду.

Я чуть не потеряла равновесие.

– Это йога, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Деревенщина ты такая. Полезно для тела и головы.

– Ага, – протянул он. – Вижу. Особенно для головы.

Я, наконец, обернулась. Он смотрел прямо, открыто, без того тяжёлого взгляда, которого я почему-то ждала и боялась. В его глазах не было возбуждения, не было напряжения. Только любопытство и ирония.

Меня это заело. По моему плану Волков должен был из трусов выпрыгнуть, увидев меня в этих соблазнительных позах. Как я во сне. Но этого не случилось.

– Ты всегда так стараешься по утрам? – добавил он. – Или это спецпрограмма для бывших мужей?

Щёки вспыхнули моментально. Мне стало жарко. Не от упражнений, а от стыда. После сна, после ночи, после того, как я видела его почти голым, эта сцена вдруг показалась особенно нелепой.

– Не льсти себе, Егор. Я стараюсь не для тебя.

– Жаль. Я бы мог тебе помочь прочистить нижнюю чакру.

Он прошёл мимо, будто моё тело, выгнутое и напряжённое, его вообще не интересовало.

Козёл!

Я закончила практику скомкано, уже не чувствуя ни дыхания, ни равновесия. Всё внутри было спутано.

За завтраком я старалась не смотреть на него. После сна, после утренней йоги, после его шуточек мне было сложно держать лицо. Я чувствовала себя разоблачённой, хотя он, по сути, ничего не сделал.

Егор, как ни в чём не бывало, ел и листал что-то в телефоне.

– Давай поговорим о продаже дома? – заговорила я о том, зачем приехала.

– Я тут подумал, – сказал он между делом, не поднимая глаз. – Дом я продавать не собираюсь.

Я замерла с кружкой в руках.

– В смысле? – переспросила я.

– В прямом, – он, наконец, посмотрел на меня. – Я хочу жить здесь дальше. Как жил.

Меня всё устраивает.

Внутри поднялась волна раздражения. Глухая, вязкая.

– Егор, это...

– Егор Палыч, – поправил он меня.

– Это не только твой дом, – сказала я, игнорируя его поправки. Мне вообще было не до его приколов. – Мы это уже обсуждали. По телефону.

– Обсуждали, – кивнул он. – И я всё понял. Ты хочешь продать. Я – нет.

– Тогда выкупи мою долю, – сказала я резко, прежде чем успела подумать.

Он приподнял бровь. Медленно. С интересом.

– Вот так сразу? – усмехнулся он. – А я думал, ты ещё пару дней поиграешь в йогу и воспоминания.

Я стиснула зубы.

– Я серьёзно.

Он отложил вилку, откинулся на спинку стула и посмотрел на меня внимательно. Слишком внимательно.

– Возможно, я рассмотрю твой вариант. Бабки у меня есть, – сказал он спокойно. – Но это будет зависеть...

– От чего? – напряглась я.

Уголок его губ дёрнулся.

– От твоего поведения, Алина.

– Моего поведения? – переспросила я, не веря ушам.

– Именно, – он наклонился чуть ближе. – Ты же сама сказала: ты здесь ненадолго. Вот и посмотрим, насколько ты умеешь быть убедительной.

– Ты что, ставишь мне условия? – в голосе прорезалась злость. – Ещё и грязные?

Он улыбнулся той самой опасной, взрослой улыбкой, от которой у меня внутри всё сжималось.

– Думай, что хочешь. Мне плевать.

– Ах так? Тогда я... Буду торчать здесь до тех пор, пока ты не согласишься выкупить мою долю. Это и мой дом в конце концов.

– Ага. Угу. Все роли в Москве расхватают в твоё отсутствие, – хмыкнул Егор. – Тебе невыгодно здесь торчать. Это же очевидно. Моё предложение тоже не вечно. У тебя есть три дня, чтобы убедить меня выкупить твою долю. Можешь начать с минета.

– Чиво? Ты охренел?

– Хотя я бы не отказался от вкусного обеда. Я, когда поем, добрый. Да что я тебе рассказываю? Ты сама всё знаешь, сладкая.

– Да пошёл ты на хуй, Егор Палыч!

– Ладно, – он равнодушно пожал своими широкими плечами и вышел из кухни.

А я осталась сидеть за столом, чувствуя, как щёки всё ещё горят, а тело предательски помнит совсем другое поведение Егора. То, которое ночью мне снилось слишком ярко.

6. Егор

Я четыре года убеждал себя, что всё прошло.

Четыре года повторял одно и то же, как мантру: забыл, отпустил, перегорел. Говорил это друзьям. Говорил родителям. Говорил женщинам. Говорил себе по ночам, когда дом был слишком тихим, а мысли слишком громкими.

И ведь верил.

А потом она приехала.

И стоило мне увидеть Алину на пороге в нелепой шапке, с усталым взглядом и всё той же прямой спиной, как вся моя аккуратно выстроенная ложь рассыпалась нахуй.

Я смотрел на неё и понимал: я не забыл. Я просто прятал.

Она стала ещё красивее. Не общепринятой модной красотой, а той, что не просит внимания, а забирает его молча. Стала стройнее, спокойнее, с каким-то новым, взрослым опытом в глазах и усталостью, которую не сыграешь.

Я не спал полночи.

Лежал и смотрел в потолок, как когда-то, только теперь рядом не было её дыхания. Представлял против воли, против разума, как она выглядела бы рядом со мной сейчас. Как ложилась бы на эту же кровать.

И от этих мыслей поднимался не только член, но и злость.

Потому что она приехала не ко мне, а продавать дом. Наш дом. Чтобы потом уехать снова.

И снова разбить мне сердце, пусть даже не нарочно.

Я хорошо помню тот разговор.

Он был таким спокойным и от этого страшным.

Мы сидели с Алиной за столом. Без криков, без истерик. Она тогда уже смотрела куда-то дальше, чем я мог дотянуться.

– Ты должна решить прямо сейчас, – сказал я. – Готова ли ты стать матерью моих детей?

Она вздохнула. Не закатила глаза. Не огрызнулась.

– Не готова. Как не готова застрять здесь навсегда.

И в этом «застрять» было всё.

– Значит, ты не готова быть моей женой, – сказал я.

Она молчала. Но молчание – это ведь тоже ответ.

Я не держал, не умолял. Я вообще не умею уговаривать, когда понимаю, что человек уже ушёл.

И что делать сейчас вообще не представлял. Меня убивала вся эта ситуация.

Я хотел снова быть её мужем и ненавидел себя за это.

Мы поехали по магазинам днём. Надо было купить продукты, какие-то мелочи для дома. Обычная поездка. Я специально делал вид, что мне всё равно. Шутил. Подкальывал. Включал того самого себя: уверенного, наглого, спокойного.

Алина сидела рядом, пристёгнутая, смотрела в окно. Иногда улыбалась, и я ловил себя на том, что жду этих улыбок, как дурак.

На заправке молодая, звонкая кассирша откровенно со мной заигрывала. Слишком открыто. Слишком в лоб. Я даже не реагировал. Устал от этого давно.

Алина заметила.

И вот тогда она сделала то, от чего у меня внутри что-то щёлкнуло.

Начала передразнивать эту девушку.

Тонко. Смешно. Почти зло. Повторяла интонации, изображала улыбку, кривлялась и делала вид, будто ей всё равно. Но я знал этот взгляд, знал эту её собственническую, ревнивую нотку.

Ей не было всё равно.

И в этот момент до меня дошло окончательно: она всё ещё что-то чувствует, хоть и не признается в этом никогда.

Я ехал и думал: если я снова с ней пересплю жёстко, без иллюзий, без нежностей, не как любящий муж, а как левый мужик, я смогу её отпустить. Выкуплю долю. Закрою дверь. Пусть катится к чёрту в свою Москву!

Мне казалось, что если я возьму её снова, то освобожусь от её чар. Я убеждал себя, что мне нужно это один раз. Как лекарство. Как последний вздох.

Я хотел её не потому, что она красивая, а потому, что она моя слабость.

А слабостей я себе не позволяю.

Я решил действовать грязно.

Не в лоб, не честно, а так, как действует мужчина, который слишком хорошо знает женщину – её вкусы, слабости, интонации голоса, момент, когда она уже не думает, а чувствует.

Я приготовил ужин.

Не что-нибудь поесть, а ужин для двоих. Романтический.

Дом наполнился запахами: сначала мясо, потом специи, потом тёплый, густой аромат вина, которое Алина любила всегда – сухое, терпкое, с долгим послевкусием. То самое, от которого у Алины сначала расслаблялись плечи, потом взгляд становился мягче, а потом она начинала говорить чуть больше, чем собиралась. А потом её ноги разъезжались сами собой.

Лучшая любовница – пьяная жена. Сегодня бывшая жена, но так даже интереснее.

Я накрыл стол небрежно красиво. Без скатерти, но со свечами. Растопил камин, чтобы свет от него ложился не прямо, а скользил по лицу, по ключицам, по губам. Посуда простая, но её приятно держать в руках.

Готовил медленно, чтобы хорошенько всё обдумать.

Я знал, что делаю и знал, что это подло. Но честность я уже пробовал. И меня бросили. Теперь мой ход.

Когда Алина спустилась в гостиную на запах еды, я увидел, как она на секунду замерла.

– Ты ждёшь кого-то? – с досадой в голосе спросила она. – У тебя свидание, что ли?

Опять ревнует? Так откровенно палится.

Так и подмывало пошутить, что да, она права, и попросить её потусоваться где-нибудь вне дома пару часиков, но я сдержался, чтобы не нагнетать обстановку.

– Угу. С тобой, – усмехнулся я. – Присаживайся.

Я отодвинул для неё стул, она фыркнула, но я видел: напряжение в плечах спало. Срабатало.

Мы сели.

Я налил вино. Не полный бокал, я не хотел, чтобы она опьянела сразу. Я хотел, чтобы она расслабилась постепенно.

Алина сделала первый глоток. Второй. Задержала вино на языке.

– М-м-м... Моё любимое. Спасибо, Егор Палыч, – съязвила она.

Стерва.

Я кивнул.

Мы ели. Медленно. Она хвалила еду. Не слишком, без восторгов, но я видел, как ей хорошо. Как взгляд теплеет. Как движения становятся мягче. Как между нами вместо неловкости появляется интимность.

Я не спешил.

Момент наступил не сразу. Он всегда наступает, когда женщина ничего не ждёт, ни о чём не подозревает, теряя бдительность.

Алина уже смеялась. Не громко, но легко. Щёки порозовели, глаза блестели. Она чуть откинулась на спинку стула, закинула ногу на ногу – жест, который делала только тогда, когда чувствовала себя в безопасности.

Вот тогда я и сказал:

– У меня для тебя предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.